

УДК 821.162.1
ББК 842(Рос=Рус)6
К78

Серия «Ведьмин сад»

Художественное оформление: *Екатерина Оковитая*
Иллюстрация на обложке: *Илона Шавлохова*

Крамская, Марина Ильинична
К78 Козырь. Создатель миров / Марина Крамская.—
Москва: Издательство АСТ, 2019.— 380, [2] с. (Ведь-
мин сад).

ISBN 978-5-17-117139-1

Каково это — узнать, что твой мир не единственный? Что их сотни, и ты можешь не только перемещаться между ними, но и создавать свои? Что можешь подчинять в них людей и даже воскрешать мертвых?

Каково это — узнать, что за тобой ведется охота? Что ты — важнейший инструмент, и только от тебя зависит будущее? Вокруг рождаются и умирают целые миры, и тебе нужно как можно быстрее решить — чью сторону принять.

Юкон — козырь, и от него зависит расклад.

© Марина Ильинична Крамская, 2019
© Илона Ибрагимовна Шавлохова, ил., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ДРУГОЙ ДЕНЬ

Лежа спиной на камнях, Юкон следил за тем, как неторопливо двигалось белое пятно над головой. Солнце неотступно клонилось к горизонту, едва просвечивая сквозь плотный слой дымчатых облаков. За час до заката его лучи бледнели, и наступало время снимать сети.

За пятнадцать лет жизни Юкон усвоил три главных правила: полагайся только на себя, всегда будь начеку и не вздумай оставаться на причале затемно. Поэтому, едва первая волна дотянулась до лодыжек Юкона, он подскокил и заспешил к причалу, прыгая по мокрым булыжникам. Вода с грохотом падала на прибрежные валуны. Ледяные брызги оседали на щеках. Ветер нещадно трепал короткие соломенные вихры. Юкон знал каждую выбоину здесь, самый короткий путь до пристани. Мог и не торопиться, но не хотел рисковать. От океана всякого можно ждать.

Слева под разлапистым белым деревом сидел мертвец. Голова в драной шляпе свесилась на грудь, ветер ворошил седые патлы, закрывающие лицо. Сквозь прорехи в штанах виднелись белые ноги. На правое плечо ему взгромоздилась жирная грязная чайка. Когда Юкон попытался проскользнуть мимо, сквозь шум прибоя услышал:

— Даже не поздороваешься?

Пришлось остановиться. Мертвец с трудом оторвал подбородок от груди и взглянул на Юкона из-под шляпы единственным уцелевшим голубым глазом. Свободную глазницу затянула паутина, в сердцевине которой мягко покачивалась дохлая муха. Чайка, недовольная пробуждением мертвеца, с криком взмыла в пепельные бугры облаков.

— Привет, Червь! — махнул рукой Юкон, надеясь только, что тем все и кончится.

Червь и при жизни имел скверный характер, а после смерти стал совсем невыносим. Но все еще слушался Юкона, терпеливо ждал его на причале и не смел перечить. Только иногда, как сегодня, обижался, если о нем забывали. А Юкон чувствовал свою вину за то, что вернул его к жизни и посадил здесь сторожить лодку с веслами.

— Зря торопишься, — предостерег Червь. — Чую, мертвечиной из сетей тянет.

— Да как же ты отличаешь, из сетей или из-под твоих лохмотьев? — разозлился Юкон. Он терпеть не мог плохие предсказания старого рыбака, в основном потому, что они сбывались.

— Зря тебе Бо язык в детстве не вырезал, — огрызнулся Червь, шлепая влажными губами. — Ох, добрался бы я до тебя вовремя...

— Не сидел бы здесь, — Юкон тревожно взглянул на небо. Блекло-желтый шар уже завис над горизонтом, опалив края облаков. — Извини, мне пора.

— Беги, рискуй головой своей бестолковой, — напутствовал Червь. — Все равно толку от нее — чуть. Только Бо изводишь понапрасну.

Но Юкон уже не слушал.

Место для ловли он выбрал не случайно: здесь береговая линия резко изгибалась, образуя бухту. Ее-то Юкон и перекрыл сетью, зацепив один край за крюк, вбитый в подводный камень, а другой — за деревянную опору причала. Прилив гнал рыбу к берегу, она застревала в ячейках сети, которая к вечеру набивалась так, что не вытащишь.

Волны качали лодку, привязанную к скользким кнехтам на причале, рвали и без того потрепанный канат, рычали от бессилия. Юкон перешел на шаг: на мокрых осклизлых досках того и гляди недолго сорваться. А когда перед тобой ревущий океан, а позади — сплошь черная белая мертвая пустошь, никто не придет на помощь.

Деревянные доски в унисон заскрипели под ногами. Юкона по колено окатило студеной соленой водой. Он зажмурился от пробравшей до костей дрожи и аккуратно спустился в лодку. Взялся за весла, размотал канат. Лодку мгновенно понесло на сточенные камни, но он успел протолкнуть легкое суденышко вниз по волне. Плечи тут же заныли, в сухожилиях полыхнула боль. Ничего-ничего, гребь, если не хочешь с голоду очокуриться, тут не так далеко, как кажется.

Страх отступал постепенно. Блестящая вода, перемешанная с комками слизи, прозрачными нитями водорослей и осколками ракушек, заливалась за борт. Когда Юкон добрался до берегового изгиба, под ногами уже хлюпало. Он ухватился за край сети и закрепил его на корме. Дав себе передохнуть, снова налег на весла. Лодчонку швыряло из стороны в сторону, лихо закручивало, дерево трещало, сопротивляясь буйству стихии. Юкон едва дышал. Глаза жгло от соленых брызг. Из последних сил он направил лодку напрямик к стонущему пирсу, ухватился за скользкий конец веревки и выбрался на сушу.

По причалу перемещался на корточках. Уши заложило от шума крови и ветра, кожу на лице щипало, руки дрожали. «Давай, поднажми, — подбадривал он себя. — Потом и не вспомнишь. Когда брюхо набито, разве думаешь, какой ценой...»

Сеть медленно, как ленивый зверь, заползала на причал. Юкон вытянул дырявый куль, и только после этого, распластавшись на животе, приник лицом к щели между досками. Только бы хватило сил на то, чтобы выбрать из сети съедобное, а остальное вернуть ненасытным волнам. Потому что если не вернуть, завтра океан оставит его с

носом. Правила этой игры Юкон запомнил давно и принял их, за неимением других.

Стоило ослабить сеть, пирс завалило рыбьими телами в иголках, бегущих по хребту. Иголочки эти имели одно важное преимущество: они сгибались вдоль спины и прочно цеплялись за сеть. Юкон выбрал с полсотни неподвижных смердящих тел и выбросил обратно в воду. Судя по запаху — сдохли давно. Океан снова надул его, подсунув тухлятину. Спустя полчаса, уже в сумерках, до крови исколов пальцы, Юкон зачихнул в сумку пяток еще бьющих хвостами рыб и поплелся домой.

Ветер улегся. Океан утробно мурчал за спиной, довольный своей выходкой.

Ну и свинья.

Червь вновь востепенулся. Голубой глаз уставился на понурого, побитого жизнью мальчишку.

— Предупреждал же, — почти заботливо протянул мертвец. — А ты...

— Отвяжись, — буркнул Юкон, которому вовсе не хотелось пререкаться.

— Завтра приходи. Завтра он добрее будет.

Юкон устало взглянул сначала на Червя, потом на гладкие воды океана, стиснул зубы и продолжил считать трещины под ногами. Он злился, хоть и понимал, что напрасно. Океан всегда играет и почти всегда побеждает. В остальных случаях — просто поддается. Юкон не сомневался, что где-то там, на дне, у океана есть сердце, и оно отнюдь не каменное. А еще он верил, что океан мыслит не хуже него самого.

Серая пустошь, на краю которой проступали контуры двух деревенских домов, постепенно меняла оттенок на пурпурно-черный. Трава будто покрылась коркой засохшей крови. Единственный лысый куст, на котором иногда покачивались чайки, блестел грифельным серебром. Юкон чувствовал, как слабо сквозь мешковину бьют в спину хвосты и как он насквозь провонял рыбьим духом. Бо теперь точно будет весь вечер ворчать и брезгливо

дергать носом. Желудок неприятно сводило судорогой голода, глаза слезились.

Ничего, осталось немного.

Дом Юкона выглядел потрепанным, но выстоял уже не одну бурю. Крышу венчала печная труба, торцевую стену увил серый колючий плющ, левее примостился деревянный сарай. Окна они заколотили досками после того, как Бо в пух и прах разругался со Стервятником, жившим по соседству. С тех пор, правда, уже год прошел, но доски остались.

В отличие от соседей, у Стервятника дела шли лучше не придумаешь, и, глядя на его крепкий дом и аккуратно причесанный огород, Юкон нет-нет да и завидовал. И минуя двор, всякий раз исподтишка поглядывал в его окна — не мелькнет ли длинная гибкая тень Дурочки, соседской дочери. А когда удавалось поймать ее взгляд, сердце сразу становилось больше и горячее и с трудом уже умещалось в груди.

Два дома стояли на отшибе дороги, шагов за сто до деревни, куда Юкону ходить запрещалось, мол, и других забот хватает. Деревня начиналась рынком, где Бо раз в месяц менял засоленную рыбу на свечи, мыло и другие полезные вещицы. Юкон оставался единственным после смерти Червя смельчаком, готовым сражаться с океаном, и только потому они с Бо не так уж и бедствовали.

В дверь постучал четыре раза — условный знак. С той стороны послышались шаркающие шаги. Латунная ручка повернулась, и подслеповатые серые, как и все вокруг, глаза Бо уставились на Юкона. Сухая ладонь без предупреждения схватила его за запястье, большой палец врезался в точку пульса. Старик с косматыми седыми волосами до плеч облегченно выдохнул и проскрипел:

— От тебя так несет, что я думал, ты сдох.

«И ты будь здоров, Бо».

Юкон протянул ему сумку, а сам так и остался за порогом. Шея и лицо страшно чесались, но он держался — соль в ссадинах принесет в два раза больше неприят-

ностей. Сначала умыться, переодеться, потом можно и поговорить.

Пока он оттирал щеки дождевой водой из бочки перед домом, со спины потянуло дымом — Бо затопил печь. Юкон открыл глаза и уставился на руки: красные, воспаленные, кожа на мозолях отслоилась, сукровица вытекла через уколы от рыбьих игл. Иногда ему становилось жаль себя: и эти вот пальцы, в которых вилку не сожмешь, и вечно обветренное лицо. И так хотелось однажды проснуться в другом месте, где за еду не нужно рисковать головой.

Но пятнадцать лет жизни убедили его в том, что чудес не бывает.

Юкон снял с натянутой между домом и сараем веревки чистые лоскуты и замотал ладони. Взамен развесил свою одежду, голым зашел в дом и на первой полке в шкафу нашел свежие брюки и рубаху. С кухни доносилось приятное шипение.

— Топай за стол,— проплелся Бо мимо и большим пальцем ткнул за спину.— А я в погреб.

— Давай лучше я?

— Марш! — рявкнул Бо и скрылся за соседней дверью. «Да пожалуйста».

Юкон зашел в тесную кухню, большую часть которой занимала печь. Она бессовестно коптила, и потолок уже весь почернел. На крохотном столе расположились две тарелки и сколотая чашка без ручки.

Ели молча. У Юкона от усталости плыло перед глазами, в замотанной руке ложка ходила ходуном, но губы блестели от рыбьего жира, и не могло быть чувства прекраснее сытости. Бо поглядывал на него под смачный хруст рыбьих костей во рту. Он выглядел не просто старым, а почти древним — сколько Юкон его помнил, Бо всегда был седым, с обвислыми щеками, худой и длинный, как змея и как сам Юкон.

— Сиди,— снова велел Бо, поднялся и исчез за дверью.

И все же Юкон немного гордился собой. Если и мог быть иной смысл, кроме выживания, он достался кому-то

другому. А с тем, что выпал юному рыбаку, он справлялся вполне сносно.

На стол перед ним вдруг грохнулась еще одна тарелка, блюдо с тонкой позолоченной канвой. А на нем — невероятно! — яблоко, целиком, бледно-розовое, ножка вырезана, а взамен вставлена тонкая серая свечка с дрожащим огоньком. Юкон изумленно разглядывал яблоко, прикидывая, где Бо мог его раздобыть. Тут и гадать нечего — к Стервятнику ходил на поклон, к заклятому врагу то бишь. Вот новость!

— С чего это? — подозрительно поинтересовался Юкон, думая, что Бо прикажет сделать взамен. От вида яблока рот наполнился слюной, и он шумно сглотнул.

— Пятнадцать тебе стукнуло, не каждый день бывает.

В памяти листьями календаря зашуршали прошедшие дни. Юкон напрягся. Какое сегодня число? Месяц он худо-бедно помнил — август. Но число? Три недели назад он до хруста подвернул ногу. То был второй день месяца — это событие врезалось в память еще и потому, что тем же вечером океан оставил сети совсем пустыми, словно решил добить мальчишку, и почти преуспел. Значит сегодня, наверное, двадцать третье. А если так, то у Юкона и вправду день рождения.

Он переводил взгляд с яблока на Бо и обратно, не решаясь ответить.

— Ну, чего обомлел? — рявкнул Бо. — Ешь давай.

— Это правда мне?

— Еще раз спросишь, и будет не тебе.

Юкон задумался, как распорядиться неожиданным богатством. Съесть целиком прямо сейчас? Или оставить половину на завтра? А может, разрезать на четыре части и продлить удовольствие?

Он сдвинул в ладони ручку ножа, перемотанную клейкой лентой, задул свечу, осторожно вытащил ее, чтобы не закапать жидким воском блюдо, и разрезал яблоко пополам. Потек прозрачный сок, склеил пальцы. Как оно пахло! Юкон больше не чувствовал смрада дохлой рыбы,

не помнил, как ничком распластался по причалу, не зная, хватит ли сил вернуться домой. Теперь все было позади. Теперь у него был день рождения!

Он взял свою половину яблока, убрал в карман. Тихо передвинул блюдце на другой край стола. Встал и только в дверях выдавил из себя:

— Спасибо, Бо.

Старик бросил на него скользкий неприязненный взгляд. Потом заметил вторую половину яблока у себя под носом и растерянно добавил:

— Эй, завтра надо на рынок сходить.

Юкон, стоя спиной к Бо, улыбнулся. Никогда прежде старик не отпускал его в деревню одного — видно, опасался, как бы внук не увлекся и не променял пойманную рыбу на чепуху. Теперь же он вырос, ему пятнадцать, и можно отправить его за покупками. И этот подарок, пожалуй, даже лучше яблока. Бо, правда, и не подозревал, что Юкон давно уже изредка пробирался в деревню, а купленные богатства прятал под соломой в сарае. Но вылазки эти он держал в строгой тайне, и наслаждаться ими, скрывая лицо от торговцев, не мог.

Юкон вышел на улицу, потянулся, содрогаясь от тянущей боли в мышцах и одновременно радуясь свободе. Яблоко грело за пазухой. До завтрашнего утра он сыт и предоставлен самому себе. Жизнь налаживалась на глазах!

В сарае пахло сыростью и прелой соломой. Юкон перетряхнул ее вилами, выгнав пару мышей. Зажег свечу под пыльным стеклянным плафоном, обернулся в дырявый плед, подаренный Дурочкой. Наконец согрелся. Вытащил на свет подарок, принялся, чуть не застонав от удовольствия. Нет, все-таки Бо странный. То гоняет, подзатыльники раздает, то вот, пожалуйста...

Яблочный сок потек по подбородку на грудь. Юкон жевал медленно, глотая косточки. И долго лежал на спине, вспоминая широкое доброе лицо бабушки Клоги. Он помнил, как она укладывала его на ночь рядом, под бок, он

прижимался щекой к ее мягкой груди, и ему снились чудные сны. Вот только, какие именно, он вспомнить не мог.

Из-под соломы он вскоре извлек тряпицу, а из нее свои богатства: две тонкие книжки в треснутых переплетах. Читать его научил Бо, но книги в доме были невыносимо скучны. Другое дело истории, выменянные на рынке: обе они рассказывали об отважных мореходах и о неведомых землях, спрятанных за горизонтом.

Но после съеденного яблока буквы расплывались перед глазами, а все мысли устремились к тому, каким странным иногда бывает Бо. И что теперь — Юкон ему должен? Но ведь и так отдает всю пойманную рыбу. А больше у него ничего нет. Значит... Значит, он будет ловить еще старательнее, чтобы доказать Бо — он не зря пошел против гордости, и его внук умеет быть благодарным.

Решено.

Юкон встал и подошел к единственному пыльному окну над входом в сарай. Шторы в доме Стервятника оставались плотно запахнутыми, но дверь приоткрылась. В тусклом лунном свете Дурочка, стоя у крыльца, стирала рубахи отца в огромном тазу на небрежно сколоченном столе.

Юкон так и прижался щекой к прохладному стеклу. Они с Дурочкой родились с разницей в месяц, но в детстве почти не общались. Юкон вообще не помнил ее лет до пяти-шести, только тогда девочка с грустными зелеными глазами и пугливой улыбкой вдруг появилась в его жизни.

И так же незаметно, как и сам Юкон, она повзрослела настолько, что он не мог ее не замечать, даже когда нужно было. Он наблюдал за тем, как она шила, сидя на крыльце или на качелях за домом, как тонкие пальцы взмывали над пяльцами, как острые ресницы вздрагивали и замирали, когда она замечала его взгляд и молча смотрела в ответ.

Из дома напротив неожиданно вышел Стервятник. Одетый в идеально сшитую по нему белую рубаху и жилет из сыромятной кожи, с вычесанными до блеска черными

волосами ниже лопаток, он был настолько широк в плечах, что едва проходил в дверной проем. Глядя на его злое угрюмое лицо, Юкон часто пытался представить, о чем же сосед думает. Потому что просто не верилось, что в этой голове способна зародиться хоть одна хорошая мысль.

Стервятник подлетел к дочери и, ни слова не проронив, схватил ее за волосы. Дурочка пискнула, мыльными руками сдавила виски, отчего по скулам потекли белые струи.

— Сколько можно возиться? — рявкнул Стервятник, потрясая головой дочери, будто мешком с рыбой. — Я что, по-твоему, должен всю ночь ждать, пока ты кончишь плевуую работу? В кого ж ты такая лентяйка?

И с размаху окунул молчащую Дурочку лицом в таз.

Юкон отчетливо видел, что ни один мускул на руке Стервятника не напрягся. А Дурочка вцепилась в края стола, тонкие пальцы, казалось, вот-вот сами сломаются от напряжения, но отец крепко ее держал. Юкон закусил губу и не заметил, как кровь потекла у него по подбородку. Минуту спустя, когда по поверхности мыльной воды пошли пузыри, он не выдержал и распахнул дверь сарая.

В то же мгновение Стервятник отдернул руку и брезгливо вытер ее о штаны.

Юкон встретился с ним глазами. Взгляд соседа говорил яснее ясного: проваливай.

— Что выдупился, сопляк? — крикнул Стервятник, и его низкий каркающий голос взвился в небо. — Тоже хочешь испунаться?

Пальцы Юкона сами сжались в кулаки, а зубы закрипели. Стервятник стоял слишком близко к Дурочке и силой превосходил их обоих многократно. Сама Дурочка молча сползла под стол, где лунный свет уже не доставал до ее лица. Юкон слышал только, как она хрипло пытается выплюнуть мыльную воду.

— Так хочешь или нет? — снова крикнул Стервятник, и Юкон заставил себя отрицательно качнуть головой. От напряжения он едва дышал. — Вот и убирайся, пока я тебя

не заставил. Защитник вшивый! Не вздумай мне снова на глаза попасться — обоих пристукну. А ты, — он глянул под ноги, будто обращаясь к сухой траве или луже воды, — закончишь за десять минут или пеняй на себя.

И, сплюнув, вернулся в дом.

Дурочка, цепляясь за ножки стола, поднялась и продолжила стирку. Взгляд ее лишь на секунду обратился к Юкону. А едва различимая благодарная улыбка только сильнее разодрала ему сердце. Она всегда улыбалась ему так — устало, болезненно, через силу. И каждую улыбку Юкон хранил под сердцем, чтобы согреться особенно холодными ночами.

Смотреть на нее дальше он не мог. Чувствовал себя беспомощным трусом и подумал: если никогда не переступать черту, то и не узнаешь, верны ли твои страхи. В следующий раз он не останется на месте, он хотя бы попытается. В следующий раз — обязательно.

Измерив шагами сарай вдоль и поперек, Юкон все-таки задул свечу у входа, устроил голову на холщовом мешке, от которого пахло пылью, и попытался уснуть.

Задремал ненадолго. В нос настырно лез тонкий сладкий запах свежего трупа. Юкон боролся с ним сколько мог, но потом открыл глаза и вдруг увидел прямо перед собой дорожку из багряных капель, которой не заметил сразу. Лунного света едва хватило на то, чтобы проследить, где заканчивался путь. Юкон выбрался из своего гнезда, на коленях подполз к окну и только теперь увидел неподвижное тело шакальего щенка. Видно, пришел сюда умирать.

Узнай Бо, что задумал Юкон, закатил бы трепку. Но Бо дрях на кровати в доме, а у Юкона был напрочь испорченный день рождения. В конце концов, он может оставить щенка здесь, и никто о нем не узнает. Пальцы коснулись густого меха. Юкон предпочел бы шакалу лисицу, они казались ему красивее. Но лисицы никогда не попадали в тиски, а шакал лежал прямо под носом. Юкон склонился над мертвым щенком и тихонько подул в при-

открытую пасть. В глазах у него резко потемнело, а сердце забилося словно через силу.

Когда зрение вернулось, Юкон увидел, как шакал поднялся на ноги и неуверенно попятился, будто заново привыкая к лапам. В нем чувствовались страх и неуверенность. Ничего, скоро пройдет, если судить по Червю. Щенок дернул спиной, встряхнулся, словно из воды вынырнул. Пригибаясь к полу, подкрался к новоиспеченному хозяину и лизнул в руку холодным языком. Юкон одобрительно потрепал его за холку.

Дверь в сарай неожиданно тихо скрипнула, и лунный свет выхватил из ночного мрака девчонку в пестром платье до колен. Дурочка неслышно вошла, в руках сжимая новую рубашку, присела перед Юконом и протянула ему подарок. Рубашка была сшита из лоскутов, но выглядела опрятно.

— Спасибо,— промямлил Юкон, чувствуя себя еще паршивее.

Дурочка улыбнулась. Она тоже помнила о его дне рождения.

Окна в доме Стервятника уже погасли. Юкон жестом указал на соломенное гнездо, и вдвоем они укрылись в нем под пледом, как в самом надежном убежище. Сквозь прорехи в полотне просачивался свет, похожий на звезды.

— Мы с тобой убежим,— прошептал Юкон то, что мучило его уже не первый месяц.— Я наловлю столько рыбы, что Бо надолго хватит, возьму лодку, сооружу мачту. А ты сошьешь паруса. Мы переплывем горизонт и найдем остров. И никто нам не помешает! Чуть-чуть еще подожди, и я все сделаю, обещаю.

Дурочка ласково потерлась лбом о его щеку, и стало так спокойно, так нестерпимо горячо внутри, что Юкон смежил веки и улыбнулся. Все у них будет хорошо. Пока они вдвоем, они в два раза сильнее. А он завтра же найдет поваленное дерево для мачты.

Мертвый шакал улегся у его ног. Желтые глаза, не моргая, уставились в темноту.

ГЛАВА ВТОРАЯ

БЕЛЫЙ ПРИЗРАК, ЧЕРНЫЙ ПРИЗРАК

Утром дождь как одержимый сек бесплодные земли. Юкон извлек из ливня пользу: чуть продрав глаза, вывалился из сарая, сбросил одежду и намылился с ног до головы. Вода упруго хлестала его по плечам ледяными плетьюми, но он уже привык. Зимой еще хуже — сначала собрать снег в ведра, потом растопить, нагреть в печи и наскоро облиться во дворе, пока ступни немеют от холода. Но ныть он не собирался хотя бы потому, что некому было слушать.

Щенок остался в сарае. Юкон не успел придумать ему имя и размышлял над этим за завтраком. Бо стукнул о стол деревянной плоской с серым зернистым хлебом. Заварил кипятком сухую траву в чашке. Запахло мятой.

— Пойдешь сети ставить? — спросил старик, тщательно пережевывая сухой хлеб немногими оставшимися зубами.

— Конечно.

— Потом на рынок. Список тебе напишу.

— Я помню.

Юкон вдруг отчетливо ощутил, как вымоталось его тело. Ночью он то и дело в панике просыпался, ему снились смутные тени, черные плащи, под которыми парили бесформенные сгустки тьмы. Они кружили рядом,